

УДК 101.1:316+130.2(470)

ЛЖЕ-МЕССИЯ: НАБРОСКИ К РАСПОЗНАВАНИЮ ОТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

А. Н. Фатенков

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
Приволжский исследовательский медицинский университет (г. Нижний Новгород)
fatenkov@fsn.unn.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о репрезентации фигуры Лже-Мессии в отечественной литературно-философской традиции. Конкретным предметом анализа выбраны образы Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского и Грядущего человека из «Повести об Антихристе» В. С. Соловьева. Среди привлекаемых к обсуждению комментаторских работ особое место отводится текстам В. В. Розанова. Автор выстраивает свои рассуждения с методологической и стилистической опорой на экзистенциальную диалектику и герменевтику. Его цель – аргументированно реконструировать сущность Лже-Мессии, толкуемую как зарвавшееся псевдовеличие. Выявленная сущностная характеристика разъясняется в ее соотношении с рядом феноменов экзистенциального и социального плана: страдания и сострадания, любви, счастья, свободы и несвободы. Сравнение двух взятых к рассмотрению персонажей ведется в оптике конкретной интуиции: Великий инквизитор – тень самого Достоевского, тогда как Соловьев – тень своего Грядущего человека. Автор солидаризируется с позицией, согласно которой отход от материализма и увлечение мистикой оказывается значимым социально-культурным и мировоззренческим подспорьем появления Лже-Мессии. Финальная мысль текста настраивает читателя на настороженное отношение ко всякому мессианскому проекту и тем притязаниям на величие, которые высказываются вне акта самопожертвования.

Ключевые слова: Лже-Мессия, зарвавшееся псевдовеличие, Великий инквизитор, Ф. М. Достоевский, Грядущий человек, В. С. Соловьев.

Для цитирования: Фатенков, А. Н. (2026). Лже-Мессия: наброски к распознаванию от русской литературно-философской мысли. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 221-229. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.221-229.

THE FALSE MESSIAH: POINTS FOR RECOGNITION FROM RUSSIAN LITERARY AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

A. N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
Privolzhskiy Research Medical University (Nizhny Novgorod)
fatenkov@fsn.unn.ru

Abstract. The article analyzes the representation of the False Messiah in the Russian literary and philosophical tradition. The specific subjects of analysis are the images of the Grand Inquisitor from «The Brothers Karamazov» by F. M. Dostoevsky and the Coming Man from «The Tale of the Antichrist» by V. S. Solovyov. Of the commentary works included in the discussion, particular attention is given to the texts of V. V. Rozanov. The author's arguments are founded on the existential dialectics and hermeneutics, manifesting in both methodological and stylistic elements. The objective of the study is to construct a cogent reconstruction of the essence of the False Messiah, interpreted as presumptuous pseudo-greatness. The identified essential characteristic is explained through its correlation with a number of existential and social phenomena, including suffering and compassion, love, happiness, freedom

and unfreedom. The juxtaposition of these two characters is facilitated by the examination of their concrete intuition: the Grand Inquisitor is regarded as the representation of F. M. Dostoevsky himself, while V. S. Solovyov is seen as the manifestation of his own Coming Man. The author concurs with the perspective that a deviation from materialism and a preoccupation with mysticism serve as substantial socio-cultural and ideological underpinnings for the emergence of the False Messiah. The concluding assertion engenders a sense of caution among readers regarding any messianic endeavor and all those assertions of eminence that are expressed apart from an act of self-sacrifice.

Keywords: the False Messiah, presumptuous pseudo-greatness, the Grand Inquisitor, F. M. Dostoevsky, the Coming Man, V. S. Solovyov.

For citation: Fatenkov, A. N. (2026). The False Messiah: Points for Recognition from Russian Literary and Philosophical Thought. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 221-229. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.221-229.

Введение

Все сущее (в религиозной картине мира – все тварно сущее), подобно ветру Екклесиаста, возвращается на круги своя. И Лже-Мессия, стало быть, тоже. Речь здесь не о банальном повторе всякого остающегося неизменным объекта или субъекта. Речь – о вариативном возвращении чего-то или кого-то к априорно задаваемой и апостериорно угадываемой его сущности.

Спаситель, если допустить его существование, – со своей актуальной сущностной полнотой – заведомо один-единственный. Самозванцев, пытающихся его подменить, – множество, легион. Число их не сократится, впрочем, и в том случае, если нет ни Мессии, ни канонического Бога, а на вершине пирамиды сущего восседает фиктивное божество или вовсе зияет брешь, заполняемая эрзац-религиозным духом.

Как отметил некогда Л. А. Тихомиров, не атеизм и не материализм составляют самое радикальное отступление от Бога. «Высшая степень отступления может состоять лишь в переходе на сторону *иного бога*, признании Высшим Существом мира или, по крайней мере, более желательным – не Бога, а некоторую другую Духовную Личность, которая борется против Бога за мировое владычество» [Тихомиров, 1998, с. 572-573]. Для подобной замены нужно, чтобы «материализм сменился какой-либо формой нового мистицизма, при котором только и возможно появление “нового бога”, “иного бога”» [Там же, с. 573].

Объявляясь раз за разом в истории, лжеспасители разнятся по облику и поведению. Заранее или сходу распознать очередного из них оказывается проблематичным. И все же, несмотря на многоликость этих обуянных властью персон, некоторые их родовые черты, манифестируемые вперемешку с чертами случайными, поддаются-таки идентификации в актуальных исторических и социально-культурных контекстах.

Возможность прихода и хотя бы временного триумфа Князя мира сего вызвана тем онтологическим обстоятельством, что не каждая трансформация и не каждая инверсия социально-культурной иерархии влечет за собой однозначно негативные последствия [см.: Фатенков, 2007]. И потому ложную вертикаль можно постараться выдать посредством спекулятивных и манипулятивных практик за вертикаль истинную, фиктивное величие – за подлинное.

Серьезную помощь в дешифровке особ маниакально мессианского толка традиционно оказывает мировая и отечественная литературно-философская мысль. Сосредоточим внимание на двух запечатленных ею персонажах, рельефно выражающих тип *зарвавшегося*

псевдовеличия, мнящего себя завершителем человеческой истории и распорядителем людских жизней и судеб. Именно такова, с зарвавшимся псевдовеличием в эпицентре, прозаически выписываемая сущность каждого из самозванных мессий. Обе взятые к рассмотрению фигуры, хоть и давно обсуждаемые, всегда готовы чем-то нас удивить. Это Великий инквизитор из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского и Грядущий (Великий) человек из «Повести об Антихристе» В. С. Соловьева. Они зримо разнятся по колориту. Пожизненный президент-император из повести с очевидностью уступает романному старцу, пусть и властвующему всего над одним городом. Впрочем, ситуация с измельчением натуры при раздувании имиджа ничуть не мешает, наоборот, она на руку корыстным попечителям страждущих. Библейский Антихрист пародирует Христа. Исторические лжеспасители, выдуманные и невыдуманные, пародируют и своего библейского прототипа, и своих земных предшественников.

**Зарвавшееся псевдовеличие:
что носит в себе, чем прикрывается и чем себя выдает?**

В севильском старце из поэмы Ивана Карамазова минимум пародийного. Его образ – скорее, персонаж трагедии – не лишен притягательности. В отличие от него, Грядущий человек из «Повести об Антихристе» не по-доброму смешон и без сочувствия жалок.

Великий инквизитор до некоторой степени был симпатичен, скажем, К. Н. Леонтьеву, что, в общем, неудивительно – как и неприятие эстетствующим религиозным натуралистом «того безжизненно-всепрощающего Христа, которого сочинил сам Достоевский» [цит. по: Розанов, 2001, с. 345-346]. При определенных, жутких для многих обстоятельствах (Леонтьев не собирался никого утешать) – при союзе социализма с самодержавием и пламенной мистикой (и вправду, жуть!) – 90-летнему кардиналу «позволительно будет, вставши из гроба, показать тогда язык Фед<ору> Мих<айловичу> ...» [цит. по: Там же, с. 357].

Со своей стороны и адресат процитированных леонтьевских писем, В. В. Розанов, принимал Инквизитора всерьез и не без некоторого ужаса: «...подводя общий итог совершившемуся в истории, Инквизитор переходит к раскрытию своей тайны, которая состоит в *поправлении* Акта Искупления через принятие всех трех советов “могучего и умного Духа пустыни”, – что, в свою очередь, совершилось ради любви к человечеству, для устроения земных судеб его» [Розанов, 1996, с. 85].

В продолжение розановской трактовки стану утверждать: уверенность повелевающего клерикала проистекает из осознания того, что 1) страдания живого существа не могут ничего не значить; 2) крестные муки воскресшего Бога не перевесят душевно-телесных мук смертного человека; 3) у страданий во имя спасения (ведь оно пока только обещано) нет безусловного преимущества перед страданиями от «лжи во спасение», ради довольства людских масс (пусть примитивного, но уже достигнутого); 4) безграничность сострадания, канонически закреплённая за Мессией, в исторических воплощениях своих принимает все же ограниченные формы, в коих актуализируется также и сострадание умаленное, а то и вовсе фиктивное; 5) между тем ряд собственно земных феноменов (и первые из них любовь и счастье), *переполняя* человека, становятся вследствие этой переполненности вровень с тем, что исходит от Бога, или даже выше всего исходящего свыше.

Таким образом, кардинал небезосновательно высказывает сомнения в безупречности позиции своего пленника. Рассказчик легенды подчеркивает, что властный старец «не излечился от любви к человечеству» [см.: Достоевский, 1991, с. 294]. Действительно, он не заставил горожан подгрести горячие угли к костру своего врага. Да и того, отпустив, если и не простил, то пожалел. Стало быть, христианские заповеди им не забыты вчистую. Конечно, его любовь к людям перемешана, скорее всего, с презрением к ним – к тем, кто «малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики» [см.: Там же, с. 285]. О парадоксальном слиянии в поэме горячей любви к человеку с «совершенным к нему презрением» писал и В. В. Розанов [см.: Розанов, 1996, с. 95]. Начав с сострадания к слабым, с любви-жалости к ним, не отвергший пустынных искушений постепенно склоняется к любви презренной, не доводя, впрочем, свою линию до однозначного негатива (иначе самому костра не миновать).

Важно подчеркнуть: любить презирая и презирать любя – в этом суть «достоевщины». Великий инквизитор – тень великого русского словесника. Контрастный багровый силуэт на розовом фоне умирительно-христианских – бытийно блеклых – персонажей писателя. Наставничество Зосимы, к примеру, моментально рассеивается в решимости Алеши Карамазова расстрелять изверга-помещика, затравившего крестьянского мальчика сворой псов.

Инквизитору не составило бы труда организовать показательную казнь пленника. Но не решился. Или догадался, что перед ним, быть может, не настоящий Спаситель, а двойник-самозванец, кудесник-врачеватель, тоже хорошо осведомленный о том, что «человек ищет не столько бога, сколько чудес» [см.: Достоевский, 1991, с. 288], и умело пользующийся поцелуем-плагиатом (диалектически отрицаемым братским поцелуем Алеши). И тогда, конечно, не на костер конкурента, а на все четыре стороны. Подобным жестом, имитирующим прощение, побивается и неожиданно объявившийся соперник (избавление от лютой смерти перевесит поцелуй, в искренности которого есть сомнения), и любой из тех претендентов, кто вздумает по-пилатовски умыть руки.

Севильский кардинал не бежит от ответственности: ни за себя, ни за опекаемых им. Однако эта опека оборачивается властвованием над людьми: «мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – все судя по их послушанию – и они будут нам покоряться с весельем и радостью» [Там же, с. 292].

Беря на себя ответственность за других, человек неизбежно урезает свою свободу. Властвуя над другими, он отнимает их свободу – ничего, или почти ничего, не прибавляя к оставшейся своей. Здесь во всю мощь работает гегелевская диалектика господина и раба. Примечателен портрет Инквизитора: «...высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск» [Там же, с. 281]. Не раб, нет – господин ... страдающий от понимания того, что утраченную собственную свободу не восполнить отнятой чужой.

Выхваченный из Средневековья персонаж Достоевского отнюдь не антигерой и не карикатура сугубо католического профиля. Он, а через него, думается, и сам писатель высказывает, пусть осторожно, мысль о том, что христианство как таковое, а не всего лишь его отдельная ветвь, не имеет масштабных исторических перспектив. Сильные и свободные открыто пойдут против Бога. Слабые последуют за Лже-Мессией. И только горстка истово верующих не покинет Христа. Из секты времен катакомб – через эпохальный соблазн вселенской церковной организации – снова в секту, теперь уже времен возведения

инновационной Вавилонской башни. Она, несомненно, вот-вот будет достроена посредством ИТ-технологий и при попечении выдвиженцев лжемессианской партии с самым разным – от правизны до левизны – публичным идеологическим клеймом.

Розанов понял Достоевского. Тот «непостижимым и таинственным образом почувствовал *действительное* отсутствие Бога и присутствие *другого* и перед тем, как умереть, передал нам ужас своей души, своего одинокого сердца, бессильно бьющегося любовью к Тому, Кого – нет, бессильно убегающего от того, кто – есть» [Розанов, 1996, с. 95].

С сочувствием относясь к трагической по существу фигуре Инквизитора, никак не отбросить откровенно отталкивающие его черты и практики. Отвратительно манипулятивное замещение свободы несвободой: «О, мы убедим их, что они только тогда и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся» [Достоевский, 1991, с. 291]. Никакие скидки – ни на податливость масс (да, конформизма в них предостаточно), ни на диалектику совпадения противоположностей в абсолюте (нет, ни одному общественному строю не возвыситься до статуса социального абсолюта) – не реабилитируют тут махинатора. Но еще горше читать о его намерении узурпировать право людей на счастье, вернее – посягнуть на их жизненную удачу и везение: «...мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы» [Там же]. И дело не в характере счастья (будь оно смиренное или буйное), а в чьем-то стороннем намерении преподнести его и распорядиться им. Как будто какая-то властная институция или персона действительно способна осчастливить сограждан. Но ведь она даже не в состоянии гарантировать справедливость. Куда уж ей до одарения счастьем!..

Итак, Лже-Мессия по типу Великого инквизитора:

- сострадание превращает в собственную привилегию;
- содержательное богатство и многогранность любви редуцирует к любви презренной;
- ответственность, взятую за других, оборачивает во власть над этими другими;
- спекулируя на обременительности свободы, толкает людей к отказу от нее и ею, мошеннически отнятой у других, пытается восполнить недостачу свободы в себе;
- умалчивая о справедливости (феномене социально-политическом), обещает дать людям счастье, неоправданно социализируя и политизируя этот по преимуществу экзистенциальный феномен.

Если Великий инквизитор – тень Достоевского, то Соловьев – тень своего Грядущего человека. Антихрист в повести списан им с самого себя. И сделано это намеренно – чтобы посмеяться: и не столько над собой, сколько над кругом почитателей и критиков. Такова выдвигаемая гипотеза.

В подтверждение ее сошлюсь для начала на К. В. Мочульского (литературоведа академического толка). По его словам, в манифесте Антихриста из «Трех разговоров» без труда узнается старая схема соловьевской «свободной теократии» и, читая повесть, «невозможно отогнать от себя страшную мысль, что автор говорит о себе, разоблачает *свою ложь*» [Мочульский, 2000, с. 820].

Еще резче толкование Д. Е. Галковского (его мысль на розановской волне и приправлена едкой иронией): «В “Трех разговорах” Соловьев решил “под занавес” сыграть самого себя, переиграть самого себя. Вышло похоже, да не в ту сторону. <...> Либо Антихрист ... – пародия на учение Соловьева в смысле разоблачения соловьевства, либо это пародия на Христа, и тогда опять же соловьевство является пародией. Постановка себя в центр повествования как персонажа, как образа образа ...» [Галковский, 2008, с. 586-587].

И теперь, собственно, свидетельство В. В. Розанова. Он воспринимал автора «Повести об Антихристе» существом тщеславным и при этом чуть ли не бесплотным: «Соловьев же весь был шум и нельзя отрицать – даже суета. Самолюбие его было всепоглощающее... <...> ... “Демоничен” он был, я думаю, в высшей степени. <...> В Соловьеве ... не было этой вечно человеческой *сути* ... Тень. Схема. “Воспоминания” о нем есть, а “присутствия его никогда не было”» [Розанов, 1994, с. 223-226].

В завершение ряда критических оценок, высказанных по адресу «Трех разговоров», целесообразно привести суждение А. Ф. Лосева, в целом с большой симпатией относившегося к личности и творчеству В. С. Соловьева: «...надо согласиться с тем, что все эти блистательные и потрясающие картины господства антихриста есть только его неимоверная глупость, примитив, шарлатанство и хлестаковщина» [Лосев, 2000, с. 434].

Не ошибусь, наверное, утверждая, что хлестаковщина Грядущего человека оттеняет творческие неудачи самого Соловьева, много времени и сил потратившего на оправдание добра (будто оно нуждается в оправдании!) и на рассуждения о смысле любви (будто опоясывающие ее силлогизмы способны придать глубочайшему чувству дополнительную ценность!). К автору «Трех разговоров», похоже, приходит запоздалое понимание того, что вытеснение одних отвлеченных начал другими отвлеченными началами поступательно ведет к лжемессианскому исходу. Поддержку нахожу у религиозного экзистенциалиста Л. И. Шестова. На его взгляд, уже с первых произведений соловьевские выкладки амбициозно-беспомощно претендовали на верификацию сверхрациональной конкретики богооткровенных истин¹.

Присмотримся к описанию соловьевского Лже-Мессии и той эпохи, которая выдвинула его. Он объявляется во времена решительного падения материализма и поступательного отхода от креационизма [см.: Соловьев, 1990, с. 387-388], когда роль мировоззренческого гегемона достается спиритуализму. (В «Религиозно-философских основах истории» Л. А. Тихомирова, как помним, период активного отступления от Бога описан аналогично.) В Грядущем человеке окружающие видят «великого спиритуалиста, аскета и филантропа» [Там же, с. 389], ему приписываются «помимо исключительной гениальности, красоты и благородства, высочайшие проявления воздержания, бескорыстия и деятельной благотворительности» [Там же, с. 387-388].

Ирония в том, что воспроизведенная характеристика – с весомой поправкой на «величие» и «исключительность» – оказывается автопортретом В. С. Соловьева. Через своего персонажа он, как представляется, признается в собственной неправедности: верил в добро, Бога и Мессию, «но любил ... только одного себя» [см.: Там же, с. 388]. При том что и до уровня своего литературного двойника-прототипа ему дотянуться не удалось. Тот, скажем, привлек к себе в услужение «великого чудодея» Аполлония – полуазиата и полуюропейца, вооруженного научно-техническим инструментарием нововременного рационализма и арсеналом традиционной мистики. «Аполлоний дойдет, между прочим,

¹ Шестов, Л. И. Умозрение и апокалипсис. (Религиозная философия Вл. Соловьева). [Электронный ресурс]. Сайт Одиновского благочиния Одиновской епархии. Электронная библиотека Одиновского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/shestov/shestov_1_umozrenie_i_ap/ (дата обращения: 14.05.2026).

до полунаучного, полумистического искусства притягивать и направлять по своей воле атмосферическое электричество ...» [Там же, с. 399]; он объявил, что властью своих ключей «отворил двери между земным и загробным миром, и действительно общение живых и умерших, а также людей и демонов сделалось обычным явлением, и развились новые, неслыханные виды магического блуда и демонолатрии» [Там же, с. 419-420].

В облике Аполлония угадывается шаржированная фигура Н. Ф. Федорова (с его проектом воскрешения умерших, восторгом от регуляции атмосферных процессов и ... внебрачным происхождением – «полу ...»). Ход Соловьева незамысловат: подмять философа «общего дела» под авторитет своего двойника-прототипа, а заодно частично расквитаться со своим визионерством и увлечением спиритизмом.

Лжемессианская затея Грядущего человека рушится при любопытных обстоятельствах. Усилия христианских подвижников – Иоанна, Петра, Павла (профессора Паули) – оказались бы тщетными, если бы не срамной случай. Взбунтовались евреи, случайно обнаружившие, что властитель, наобещавший многого, «даже не обрезан» [см.: Там же, с. 420]. Хотя и без интимных подробностей выдает он себя постоянно. И не столько тем, что не упоминает имени Христа, сколько рассогласованием между проводимой им социальной политикой упрощения (ему нужно равенство слабых) и отсутствием в нем самом «истинной простоты, прямо́ты и сердечности» [Там же, с. 393]. Он приторно приятен для всех, особенно же старается быть таковым для финансовых и военных кругов, ведь сам он по профессии ученый-артиллерист, а по состоянию крупный капиталист.

В отличие от своего предшественника из «Карамазовых», соловьевский Лже-Мессия:

- стремится избавить себя от всякого страдания;
- жаждет не только власти, но и – копейно – денег;
- полагает, что допущения грешить еще недостаточно для подданных, для управления ими; он планирует перемешать добро и зло, чтобы, затянув людей на зыбкую почву тотальной вариативности, держать каждого на крючке;
- до конца не верит в собственную правоту и, страшась разоблачения, вынужденно переигрывает, лишь приближая тем самым неизбежную, и неизбежно кровавую, развязку;
- полностью исключает для себя акт самопожертвования.

Словом, переход от Великого инквизитора к Грядущему человеку представляет собой исторический уклон, на котором ускоренно набирает обороты зарвавшееся псевдовеличие, а трагедия превращается в трагифарс.

Что противопоставить лжемессианскому прессингу?

Любой ответ подпадет здесь под подозрение: либо как морализаторство, либо как эпатаж. Имеет смысл тогда прочертить минимальный уровень сопротивления и сбережения человеческого достоинства: в череде жизненных компромиссов не проглядеть точку невозврата и быть настороже к любым формам мессианизма, ведь не ясно, есть ли среди них хоть одна неложная. Наконец, не забывать о том, что подлинное величие надежно удостоверяется только подвигом самопожертвования смертного существа; в иных случаях все притязания могут лопнуть вмиг, обернуться пустышкой.

Список литературы / References

Галковский, Д. Е. (2008). *Бесконечный тупик*: В 2 кн. Кн. 1. М.: Изд-во Дмитрия Галковского. 632 с.

Galkovsky, D. E. (2008). *Endless Deadlock*. In 2 books. Book 1. Moscow. 632 p. (In Russ.)

Достоевский, Ф. М. (1991). Братья Карамазовы. *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений*: В 15 т. Т. 9. Л.: Наука. 699 с.

Dostoevsky, F. M. (1991). The Brothers Karamazov. In *Dostoevsky F. M. Collected Works. In 15 vols. Vol. 9. Leningrad. 699 p. (In Russ.)*

Лосев, А. Ф. (2000). *Владимир Соловьев и его время*. М.: Молодая гвардия. 613 с.

Losev, A. F. (2000). *Vladimir Solovyov and His Time*. Moscow. 613 p. (In Russ.)

Мочульский, К. В. (2000). Владимир Соловьев: Жизнь и учение. *Вл. Соловьев: Pro et contra*: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГИ. С. 556-829.

Mochulsky, K. V. (2000). Vladimir Solovyov: Life and Teaching. In *Vladimir Solovyov: Pro et Contra*. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg. Pp. 556-829. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1994). *Собрание сочинений. Мимолетное*. М.: Республика. 541 с.

Rozanov, V. V. (1994). *Collected Works. Fleeting*. Moscow. 541 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1996). *Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях*. М.: Республика. 702 с.

Rozanov, V. V. (1996). *Collected Works. F.M. Dostoevsky's Legend of the Grand Inquisitor. Literary Essays. On Writing and Writers*. Moscow. 702 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2001). *Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев*. М.: Республика. 477 с.

Rozanov, V. V. (2001) *Collected Works. Literary Exiles: N. N. Strakhov, K. N. Leontiev*. Moscow. 477 p. (In Russ.)

Соловьев, В. С. (1990). Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением Краткой повести об Антихристе и с приложениями *Соловьев В. С. Избранное*. М.: Сов. Россия. С. 231-423.

Solovyov, V. S. (1990). War, Progress, and the Three Conversations, Including a Short Story of the Antichrist. In *Solovyov V. S. Selected Works*. Moscow. Pp. 231-423. (In Russ.)

Тихомиров, Л. А. (1998). *Религиозно-философские основы истории*. М.: Москва. 592 с.

Tikhomirov, L. A. (1998). *The Religious and Philosophical Foundations of History*. Moscow. 592 p. (In Russ.)

Фатенков, А. Н. (2007). Идея подвижной иерархии. *Человек*. № 2. С. 18-31.

Fatenkov, A. N. (2007). The Idea of Flexible Hierarchy. *Human Being*. No. 2. Pp. 18-31.
(In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>.

Статья поступила в редакцию: 28.05.2026

После доработки: 04.08.2026

Принята к публикации: 20.08.2026

Fatenkov Aleksey – Doctor of Philosophy Sciences, Professor of the Department of Industry and Applied Sociology of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23; Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Minin Sq., 10/1; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>.

The paper was submitted: 28.05.2026

Received after reworking: 04.08.2026

Accepted for publication: 20.08.2026